

В последующие дни они оба были заняты поисками подходящего места для ларька.

Уезд был невелик, и мест, где можно было бы разместить ларьки, было немного. После осмотра всех оказалось, что каждое из них имеет свои трудности.

В итоге Ван Пинпин решила остановиться на перекрёстке, соединяющем здание уездного правительства и жилой комплекс.

Здание уездного правительства было редким для того времени величественным строением, состоящим из пяти этажей, где работали как руководители, так и обычные служащие.

Люди, работавшие здесь, были, несомненно, богаче обычных жителей уезда и готовы были тратить больше денег на улучшение качества жизни.

Принимая это решение, Ван Пинпин не советовалась ни с кем.

Она чувствовала, что слишком зависела от других, особенно от детей.

Выбор места для бизнеса был лишь одним аспектом, и она не могла каждый раз обращаться за помощью к детям.

В конце концов у неё были деньги, и она могла позволить себе потери из-за ошибочных решений.

Ван Пинпин тщательно обдумывала, не упустила ли она чего-нибудь.

Из-за задержки она вернулась домой уже после обеда.

Сюй Цзя вернулась раньше и уже приготовила еду.

Ван Пинпин чувствовала себя неловко:

— Ох, сестра, в следующий раз, если я задержусь, не жди меня, ешьте с ребёнком сами. Взрослые могут подождать, а ребёнок голодным быть не должен.

Услышав это, на лице Сюй Цзя появилось чувство вины.

После долгого дня, проведённого в хлопотах, Ван Пинпин была голодна до головокружения. Она села и начала есть, не забывая позвать Сюй Цзя:

— Сестра, почему ты не ешь?

Сюй Цзя стояла рядом, нервничая и не решаясь что-то сказать.

Ван Пинпин постепенно начала замечать, что что-то не так.

Она замедлила свои движения и спокойно сказала:

— Сестра, мы вместе прошли через многое, и мы не чужие люди. Если что-то есть, скажи прямо.

Чем мягче она себя вела, тем труднее было Сюй Цзя.

В конце концов она стиснула зубы, закрыла глаза и, как будто отрезая себя, сказала:

— Младшая сестра, мне жаль, но, возможно, я больше не смогу быть с тобой.

Ван Пинпин тоже не была глупой. Она положила палочки и предложила Сюй Цзя сесть.

— Сестра, ты нашла что-то лучше? Не волнуйся, я не обижаюсь, просто боюсь, что тебя обманут.

Сюй Цзя опустила голову и не посмотрела на нее.

— Нет... просто я думаю... ребёнок уже не маленький, и я, как мать, должна подумать о его будущем...

Раз уж она заговорила о ребёнке, Ван Пинпин больше не могла ничего сказать.

Как мать она понимала беспокойство и любовь Сюй Цзя к ребёнку.

Она вздохнула и снова взяла палочки.

— Сестра, месяц ещё не закончился, но я выдам тебе зарплату за весь месяц в знак благодарности за твою помощь нашей семье.

Сюй Цзя резко подняла голову:

— Нет, не надо, плати как обычно, не давай мне больше. Это я виновата, что уйду, не предупредив заранее...

— Когда ты уходишь? — спросила Ван Пинпин. — Возможно, мои материалы и инструменты придётся оставить у тебя на несколько дней, пока я не найду место.

— Не спеши, — Сюй Цзя замахала руками. — Ты можешь оставить их здесь сколько угодно.

Ван Пинпин понимала, что это было лишь вежливостью. Если бы она действительно оставила их надолго, Сюй Цзя, даже не говоря этого, наверняка бы обиделась.

Они немного помолчали.

Сюй Цзя неуверенно произнесла:

— Младшая сестра, не думай, что я неблагодарна, просто я, просто я...

Что «просто»? Она так и не смогла закончить.

Ван Пинпин вдруг почувствовала раздражение.

Но она промолчала.

Человеческая алчность безгранична, и Сюй Цзя, внезапно решившая уйти, отказалась от высокооплачиваемой работы с зарплатой в сто юаней в месяц. Вероятно, у неё было два варианта.

Либо она накопила денег и не хотела больше работать на Ван Пинпин, решив попробовать себя в бизнесе;

либо её переманили за более высокую зарплату.

В любом случае она не могла избежать репутации неблагодарной.

Но Ван Пинпин не могла помешать ей уйти и даже должна была сделать вид, что рада этому.

Это было ужасно скучно.

Раньше Ван Пинпин, возможно, не думала бы обо всём этом, но, занимаясь бизнесом, приходилось быть начеку, иначе можно было легко стать жертвой чужих манипуляций.

Она надеялась, что всё не так, как она себе представляет.

Увидев, что Ван Пинпин молчит и только ест, Сюй Цзя, видимо, почувствовала себя виноватой, крикнула пару раз и поспешно ушла.

Оставив Ван Пинпин одну перед остатками еды, она глубоко вздохнула.

Неожиданное увольнение Сюй Цзя создало ей немало проблем. Ей нужно было как можно быстрее найти нового помощника и обучить его.

— Ян Вэй, выйди со мной на перемене! — с авторитетом произнёс Чжао Сюэи.

После долгого ожидания наконец настала его очередь, и Ян Вэй, вместо того чтобы напрячься, наоборот, расслабился.

Пока Чжао Сюэи повернулся к доске, чтобы написать, он игриво улыбнулся Тун Цяню и высунул язык.

— Наконец-то моя очередь, — сказал он без всякого беспокойства.

Тун Цянь поднял бровь.

После того дня, когда он вызвал Линь Кэжэ в кабинет, Чжао Сюэи по очереди вызывал нескольких одноклассников для личной беседы.

Теперь половина класса уже побывала у него.

Оставшиеся ученики нервничали, боясь, что их тоже вызовут.

Тун Цянь не испытывал никаких чувств по этому поводу. Он был уверен, что после предыдущих инцидентов Чжао Сюэи не осмелится его беспокоить.

А вот толстяк был явно напряжён. Он не боялся, что его вызовут, но боялся, что после этого учитель пожалуется родителям, и тогда ему не избежать порки.

Он ткнул рядом сидящего Сюй Цаня:

— Эй, зачем учитель вас вызывал?

Сюй Цань хотел что-то сказать, но в итоге промолчал.

— Что за секреты, даже мне нельзя сказать?

Толстяк был недоволен, но ничего не смог выяснить и решил спросить по-другому.

— Узнают ли родители о том, что он вас вызывал?

Сюй Цань на этот раз быстро кивнул.

Толстяк был в шоке: боялся именно этого!

— А-а-а!!!

Вспомнив, как его мать с метлой в руках и грозным видом, он не смог сдержаться и закричал, забыв о тишине в классе.

Вдруг наступила тишина.

Чжао Сюэи прекратил урок, и все ученики уставились на кричавшего толстяка.

Толстяк, прервавшись на полуслове, замер, как петух с перехваченным горлом, его лицо покраснело.

Чжао Сюэи в гневе швырнул книгу.

— Вы что, меня вообще не уважаете?!

Собираясь взорваться, он краем глаза заметил сидящего перед толстяком спокойного Тун Цяня, и его гнев вдруг утих.

Хотя он никогда бы в этом не признался, в глубине души Чжао Сюэи испытывал непонятный страх перед этим маленьким, но расчётливым учеником.

Все ученики смотрели на него, кроме Тун Цяня.

Хотя Тун Цянь не поднимал головы, Чжао Сюэи чувствовал себя ещё более неуверенно.

Он громко кашлянул:

— На уроке нужно быть внимательным, не отвлекаться.

Сказав эту не слишком убедительную фразу, он повернулся и продолжил писать на доске.

Тун Цянь скучающе посмотрел на спину Чжао Сюэи.

Этот человек в последнее время стал серьёзнее относиться к урокам.

Раньше Чжао Сюэи никогда не писал на доске, просто читал по учебнику.

Если ученики задавали вопросы, он чаще всего хмурился и выглядел раздражённым, и постепенно никто больше не решался спрашивать.

С таким учителем и таким подходом как могли улучшиться оценки учеников по математике?

Что бы ни случилось с Чжао Сюэи, но его желание серьёзно преподавать было хорошим знаком для учеников.

Деревня Дая была бедной. Кроме тех, кто вовремя уехал на заработки, многие семьи с кучей детей и стариками едва сводили концы с концами, живя на скудных доходах от земли.

У некоторых девочек даже не было возможности учиться, а мальчики чаще всего заканчивали только начальную или среднюю школу и уезжали на работу.

Если бы было возможно, Тун Цянь хотел бы, чтобы его детские друзья продолжали учиться и имели более светлое будущее.

Поэтому, когда ученики обращались к нему с вопросами, хотя ему и было немного лень, он всё равно подробно объяснял.

— Малыш, как решить эту задачу?

<http://bllate.org/book/16382/1482743>